

Ирина ФОМЕНКОВА

Из цикла

ПАМЯТЬ И БЕСПАМЯТСТВО

**22 июня 1941 года
начался отсчёт 1418 дней
Великой Отечественной войны
по пути к Победе...**

Ирина Фоменкова – почётный член Союза писателей Беларуси, прозаик, публицист, автор шести книг, дипломант республиканского литературного конкурса за книгу «Аромат белого налива».

Сборник «Память и беспамятство» включил в себя художественно-публицистические раздумья писателя о Великой Отечественной войне, о предназначении человека в годы лихолетья. В этих рассказах и очерках – тревога за судьбу многонационального, многострадального народа Беларуси; боль за горькую правду его судьбы. Цель творческого проекта – противостоять попыткам фальсификации всемирной и отечественной истории. Главная идея цикла – жизнь и смерть, трагедия и торжество жизни всегда рядом.

ОТ АВТОРА

Недавно на творческой встрече с читателями зашёл разговор об опасностях переоценки моральных ценностей в наше время. Пожилой мужчина с орденскими планками на пиджаке, ветеран Великой Отечественной войны, сказал:

- Меня в последнее время не покидает ощущение, что мы слишком увлеклись самобичеванием...

Я тут же откликнулась:

- Мне думается, что трезвая оценка пройденного необходима. Без неё не выбрать верного пути дальше. Но главная ошибка наша в том, что мы не всегда осознаём своё место в мире, не ценим опыт нашей истории в мировом развитии. И поэтому ПАМЯТЬ И БЕСПАМЯТСТВО оказались совсем рядом.

- Может, это и верно, - с горечью в голосе продолжил свои мысли ветеран. – Да только сознание наше всё чаще словно изношенное...

- Ну, не у всех же! – раздался голос из зала. – Дело в том, что всё больше под прикрытием борьбы за демократию и справедливость у многих идёт в мозгах опасное завихрение...

Я вспомнила, как в советское время, работая в обществе «Знание», читала лекции об особенностях психологического воздействия западной пропаганды на советских людей. Тогда передо мной была такая же большая аудитория. В глазах одних я видела полное взаимопонимание. В других читала: «Неужели это так опасно? Да ерунда всё это!»

На этой недавней встрече я остановилась и увидела в одних глазах боль, в других насмешку, в третьих скуку и равнодушие. Эти глаза и всколыхнули во мне отчаянное желание продолжить разговор... через книгу.

Дома я отыскала папку с вырезками моих публикаций за последние десять лет в журнале «Нёман», альманахе «На Нёманской хвали», газетах «СБ-Беларусь сегодня», «Гродненская правда», «Милицейский вестник», «Перспектива» и др. В них размышления об умении помнить и опасности беспамятства, о горьких и светлых воспоминаниях тех, кто стал частью трудной истории нашей страны.

Некоторые из этих очерков и рассказов вошли в сборник, который перед вами...

НЕ СТИРАЙТЕ АВТОГРАФЫ ПОБЕДЫ

В своих «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Г.К.Жуков пишет: «К 15 часам 2 мая 1945 года завершилась историческая битва за Берлин... Утром 3 мая со своими боевыми товарищами осмотрели Рейхстаг и мы – Военный Совет Первого Белорусского фронта. Колонны и все стены Рейхстага были уже испещрены надписями наших воинов. В них чувствовалась гордость за советских людей, за Родину».

Остриями штыков и углём, мелом и краской написали свои имена победители. «Стонников Вас. Курская обл., Пустовалов Н. Новосибирск, Пугачёв Алек. Белоруссия...» Сотни надписей. Одни из них – празднично-лаконичные: «Слава советским богатырям! Капитан Исаев П.Т. Сибирь – Берлин». Другие – озорные, напоминающие ответ запорожцев турецкому султану: «Проездом в Ульяновск через Рейхстаг. Смаков»...

Победители ставили свои подписи на Рейхстаге как на важном документе. Стены и колонны имперской канцелярии Гитлера в те первые майские дни превращались в скрижали истории. Наша победа явилась приговором германскому фашизму, и каждый участник битвы, как судья, ставил свою подпись под приговором ещё до Нюрнбергского процесса.

Человек на войне постоянно сталкивается лицом к лицу со смертью. В бою не разговаривают, не выкладывают душу: на это не отпущено времени. Бой – это действие, может быть, выкрик, но прежде всего огонь. Но после, в минуту высокого душевного подъёма или, наоборот, отчаянья, есть эта человеческая потребность – высказаться. Там, у Рейхстага, наши победители начертали слова, которые помогли потом историкам и социологам объяснять истоки нашей Победы.

Один из экспонатов музея Брестской крепости – стена с надписью: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20.07.1941». Эти слова имеют огромное историческое значение. Камень поведал о мужестве защитников Брестской крепости, которые сражались ещё в июле, когда линия фронта была уже далеко на востоке.

Каждая такая надпись – это автограф советского народа в Книге Войны.

На стене знаменитого дома Павлова в Сталинграде остались слова: «Мать Родина! Здесь героически сражались с врагом гвардейцы Родимцева: Илья Воронов, Алексей Аникин, Павел Довисенко». А недалеко – другая надпись – ироническое обращение к гитлеровскому генералу, прятавшемуся в развалинах сталинградского дома: «Вылезайте, генерал, из своей берлоги!»

Я на всю жизнь запомнила Аджимушкайские каменоломни под Керчью. Люди спасались там в оккупированном немцами городе и боролись с фашистами. Дух тех героев в словах на стенах: «Выстоим, товарищи! Смерть – не плен! Проклятье фашизму!» В катакомбах, ставших после войны музеем, на земле, в полумгле видны койки, коптилки, детские игрушки... А на стенах «автографы» детей: буквы, которые они учились писать...

В октябре 1963 года под предлогом ремонта на стенах Рейхстага сбили пневматическими молотками верхний слой штукатурки, и исторические надписи превратили в щебень и пыль. Удалось спасти только несколько фрагментов стены, также ставших музейными экспонатами.

В 1979 году в США создан институт для пересмотра истории, основная цель которого изначально сводилась к переоценке итогов Второй мировой войны, реабилитации Гитлера и его идеологии, уничтожении значимости роли советского народа в победе над фашизмом. Эта идеология пролагает дорогу к смерти в душе человека всего человеческого.

Сегодня мы становимся свидетелями последствий массивной идеологической обработки сознания людей. В ряде стран развернулась масштабная кампания по сносу советских памятников, их осквернению. Так называемые идеологи выдёргивают имена, которые совсем недавно значились среди предателей Родины. Среди «реабилитируемых» - бывшие

помощники гитлеровской армии в Прибалтике, организация украинских националистов (ОУН) и относящаяся к ней армия (УПА) Степана Бандеры, дивизия «Галичина», которая входила в состав войск СС под командованием Гиммлера и др.

Тех, кто освобождал Европу от фашизма, вызволял узников фашистских концлагерей, кощунственно называют оккупантами. Создаются музеи советской оккупации. Огромными тиражами издаются новые учебники, искажающие правду о войне. Открывается сеть частных университетов и школ, в которых в сознании подрастающего поколения усиленно сводят на нет роль Советской Армии и СССР в победе над фашизмом. Так вечную память об истинных героях Великой Отечественной превращают в увечную. Так стирают в памяти святые автографы Победы, выбивая из сознания правду о войне теми же «отбойными молотками», которыми уничтожали надписи на разрушенном Рейхстаге.

Свою позорную лепту вносят в искажение истории и некоторые идеологи, СМИ постсоветского пространства.

Запомнилась передача ТВ в день юбилея Сталина, которую посвятили анализу растерянности Сталина в первый день войны. «И что же всё-таки кричали бойцы, идя в атаку, заставляя себя вырваться из окопа навстречу смерти?» - мучается вопросом одна из программ А.Малахова...

И вдруг попадает на глаза информация о том, что бургомистр Минска Касмович в годы фашистской оккупации так заботился о минчанах, что благородно делил между ними продукты и одежду. Ту одежду, которую сдёргивала его команда с трупов других минчан.

Но есть правда истории: численность населения в Минске в предвоенный 1941 год - 330000. В 1944 – 80000. Такая вот математика войны.

А это математика двадцать первого века.

В 2006 году социологи опубликовали итоги ответов на один вопрос: «Как вы относитесь к ветеранам?» - Положительно 64%, затрудняюсь ответить – 11%, отрицательно - 25% .

И всё же хочется верить, что новое поколение в значительной части своей приходит к новому мышлению, умеющему противостоять зомбированию их сознания.

И пока будет жить хоть один процент тех, кто не позволит стереть автографы Победы, человечество будет жить.

ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Нередко к пониманию жизни приходишь через осмысление творчества классиков литературы.

Как-то российский писатель Ю.Ф.Карякин подписал договор с Театром на Таганке на инсценировку романа Фёдора Достоевского «Преступление и наказание». Но и театр, и автор ошиблись, меряя работу по Достоевскому тремя договорными месяцами. «Читаю – ничего не понимаю, заблудился!» - писал Ю.Карякин.

Он купил две книги «Преступление и наказание», «расшил» страницы и обклеил ими стены своей комнаты. Заперся и, переходя, от листа к листу, от стенки к стенке, читал и вникал, ещё не подозревая, что его литературная деятельность на долгие годы окажется связанной с Достоевским. Его знаменитые лекции по творчеству классика были главным пособием для многих учителей, в том числе и для меня.

Первое моё знакомство с Достоевским произошло в школьные годы. «Преступления и наказания» я испугалась. Во-первых, из-за жуткого натурализма сцены убийства Раскольниковым старухи-процентщицы: мы в пятидесятые годы прошлого века не были приучены к кровавым картинам. Во-вторых, я не могла понять, что доказывает автор, так скрупулёзно и психологически глубоко описывая самобичевание убийцы. Нашему поколению было предельно ясно: за преступлением должно следовать наказание государством и осуждение обществом.

Прошло время. Помню: на одном из жарких диспутов в институте кто-то процитировал Пушкина: «Ты сам себе высший суд!» И я подумала тогда, что это убеждение созвучно с жизненной позицией Достоевского, заложенной в образ Раскольникова. В главном герое романа, по словам самого автора, живёт «стыд собственного мнения». Как только человек начинает стыдиться самого себя: своих мыслей, поступков, - в сознании рождаются две крайности. Он и страдает от содеянного им, и усилено ищет себе оправдание, уверяя себя в том, что содеянное нужно для спасения человечества. Словом, становится сам себе и прокурор, и адвокат.

Став учительницей, на уроках литературы по творчеству Достоевского я, в соответствии с программой и собственными убеждениями, доказывала, что никто не вправе лишать человека жизни, что любое преступление наказуемо. В одном из сочинений моих учеников я «споткнулась» о слова: «Нет в жизни лжи во спасение, но грех «во спасение» может быть!»

«Вот так и приходим к убеждению, что цель оправдывает средства», - с ужасом подумала я тогда, вспомнив институтские лекции о философии Ницше – того самого, которого любил Гитлер. То есть всегда есть «сверхчеловеки», которые спасут мир, очищая его от «недочеловеков». Потом мы с моими старшеклассниками долго рассуждали над этим вопросом. А что делать, если тебя ударили, унизили? Если грозит опасность твоей жизни? Как защитить свою честь? «Не переступая закона!» - высказывались одни. «Не переступая в себе человека!» - говорили другие.

«Как легко и умно можно рассуждать в тишине урока. И как трудно сделать это частью своей жизни», - подумала я тогда.

Прошли годы. В «молотилке» перестроечных лет и развала Советского Союза ломались государства, экономика, людские судьбы, нравственные устои.

В одном из журналов я прочитала интервью у известного актёра Кирилла Лаврова после выхода в свет фильма по роману Булгакова «Мастер и Маргарита». «Я теперь знаю, - сказал он, - проблема Понтия Пилата сидит в каждом из нас. У всех были моменты, за которые приходится раскаиваться всю жизнь».

Получается, что если эти слова применить к Раскольникову, то можно сформулировать и так: «У каждого из нас в жизни была своя «старуха-процентщица». Не в прямом смысле. Но ведь кого-то мы убиваем словом, равнодушием, предательством. И сохранение в нас человеческого или разрушение зависит от того, как мы себя казним или какой теорией оправдываем, начиная с убеждения, что всё и все вокруг виноваты, только не я!..»

Достоевский любил слово «сострадание». Он был убеждён, что «повышать уровень образования в нашем Отечестве – значит повышать уровень сострадания». В слово «образование» он, конечно, вкладывал и такие понятия, как культура, самопознание, духовность. Между тем, и психологи утверждают, что сострадание ведёт к нравственной устойчивости в готовности противостоять проискам в нас дьявольских сил.

«Преступление и наказание» написано в 1866 году. В мировом масштабе оно признано началом нового миропонимания, открытого литературой.

Достоевский в образе Раскольникова словно спрессовал время: от убийства одного человека до конца человечества. Пока нарушается библейская заповедь «Не убий!», спасения человечеству не будет. Писатель взял образ грешника, привёл его к раскаянию, но возрождения в нём человека не получилось!

Сегодня, когда пропаганда насилия, убийства, жестокости стала повседневной, не обратиться ли нам к великому писателю? ПОКА НЕ ПОЗДНО!

ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

Военная тема в литературе звучит во мне на фоне песни о погибших солдатах – тех, что «не в землю полегли когда-то, а превратились в белых журавлей». Щемящая сердце мелодия и глубокая поэзия этих слов стали для меня лейтмотивом в восприятии творчества белорусского писателя двадцатого столетия – Василя Быкова. Песня Яна Френкеля на слова Расула Гамзатова и про него, потому что писатель Василь Быков оставался солдатом Великой Отечественной войны, рассказывая о ней правду до последнего дня жизни.

Мне выпало счастье жить в эпоху творчества Василя Быкова, встречаться с ним в родном Гродно, увлечённо читать его книги, рождённые в послевоенное время. Да что я!? Их читал весь Советский Союз и многочисленные поклонники его творчества во всём мире. К кому-то он пришёл с экранов кино и телевизоров, радиопередач, к кому-то - с театральных подмостков. Но главным проводником его Слова, его мировоззрения остаются книги. Его Слово - это особое, правдивое, мужское, высокохудожественное слово, проникающее в сущность человека на войне и в сущность самой войны.

Признание и награды для Василя Быкова стали частью его биографии. Член СП СССР с 1959 г., лауреат Литературной премии им.Я.Коласа (1964г. за повесть «Третья ракета»), лауреат Государственной премии СССР (1974г. за повести «Обелиск», «Дожить до рассвета»), лауреат Государственной премии БССР (1978г. за повести «Волчья стая», «Его батальон»), Ленинской премии (1986г. за повесть «Знак беды»)… Он был членом правления СП СССР и СП БССР, депутатом Верховного Совета БССР, членом общественного редакционного совета «Литературной газеты».

И при всём этом – никакого пафоса, горделивости. В нём навсегда осталась крестьянская философия родной семьи с Витебщины – философии труда и достоинства человека земли. Это отражалось и в его внешности: лёгкой полуулыбке доброжелательного белоруса и сдержанной печали в глазах – печали человека, прошедшего страшную войну. Всё, что стало содержанием его повестей, - это часть его собственной жизни, вплоть до похоронки на него, полученной матерью в 1944-м. А он всем смертям назло выжил и вернулся, чтобы рассказать о величии подвига и торжестве жизни.

На одной из творческих встреч в Гродно в ту пору, когда Василь Быков возглавлял Гродненское областное отделение СП БССР и работал литературным консультантом в «Гродненской правде» (70-е годы), он доверительно рассказывал: «На войне и даже долго после неё не только писать, но и читать о ней не хотелось. Так тяжело было пережитое. Когда о войне начали писать бывшие лейтенанты, солдаты, это было настоящим откровением. Их книги – обнажённая правда войны, почти документальная проза о ней. Именно эта проза и укрепила моё желание писать про войну».

В 1964-ом мы открыли его «Альпийскую балладу», где звучит лирико-трагическая философская тема победы жизни и любви над смертью.

Потом меня потрясла повесть «Волчья стая».

Легко раненому Левчуку приказывают вывести тайными тропами из отряда, попавшего в окружение, раненых и радистку Клаву, которая ждёт ребёнка. Но они попадают в засаду. В живых остаются только Левчук и родившийся в этом ужасе ребёнок. Через много лет он приедет на встречу с ним, позвонит в дверь и услышит:

- Да, да! Заходите, там не закрыто!

Последние слова повести показались мне знаменательными: там, за дверью, живёт хороший человек, открытый благодарности за спасённую жизнь. И ещё. В этой простой житейской фразе

– сам Василь Быков. «Прикоснитесь к моему творчеству, - словно говорит он нам, - я открыт для вас всей своей болью, всем пережитым и понятым!»

Сегодня я иногда с горечью думаю, что не каждый читатель, как когда-то мы в 60-е - 80-е годы, будет поглощён сдержанностью сюжета и глубоким проникновением в детали повестей Быкова. Многие сегодня привыкли к калейдоскопу излишне лёгких или излишне трагических ситуаций, в которых в нужное время появляются нужные люди, где описываемые случайности становятся вполне предполагаемыми закономерностями, где любовь обнажена и поверхностна. Такому читателю будет нелегко вникать в детали, которые приобретают у Быкова звучание философии Льва Толстого.

В одном из интервью Василь Быков сказал, что стремится воссоздать образы «скромных людей, которым в памятные годы войны было суждено исполнить свой неприметный, но всегда многотрудный долг в борьбе с немецким фашизмом». Именно эти «скромные» люди приближали нашу всенародную победу.

Василь Быков умел довести сложность психологической борьбы в человеке до высочайшего накала, показывая, как проявляется в критические минуты всё, заложенное в нём предыдущей жизнью.

До этого испытания никто не видел и даже сам герой повести мог не подозревать, что в нём заложены качества могучей личности или, наоборот, отвратительной низости. У Быкова два этих противоположных характера действуют не сами по себе. Писатель сталкивает их, делает взаимозависимыми.

В повести «Сотников» несколько партизан схвачены полицией. Один из них - Рыбак – убеждает себя, что он только изобразит готовность сотрудничать с полицией, а затем, при первом удобном случае сбежит. Но именно Рыбаку приказывают казнить своего командира – Сотникова.

«Рыбак выпустил подставку под виселицей и отшатнулся – ноги Сотникова закачались рядом...

- Гы,гы! Однако ты способный... - с издёвкой похвалил его полицейский.

- Но Рыбак не хотел верить в свою причастность к этой расправе. Он только выдернул этот обрубок, и то по приказу полицейского. Непреодолимое отчаяние охватило его. Он застонал, едва подавляя в себе желание завывать, как собака».

Вот так, как у Достоевского: переступил черту – и потерял в себе человека...

А я смотрю на это из сегодняшней жизни и думаю: «Когда под «флагом» борьбы за свою правду, «выбивают чурбачок» из-под ног самой Истории - это страшно. Опасность этого идеологического самообмана очевидна.

Повесть В.Быкова «Журавлиный крик» тоже о войне, где смерть всегда рядом. Такова суровая правда любой войны. Герой повести Глечик «в минуту затишья перед боем вдруг услышал удивительно тоскливые звуки, полные почти человеческого отчаянья. Это летел к югу журавлиный клин, и за ним, отчаянно пытаясь нагнать стаю, летел одинокий журавлик и жалобно кричал... Охваченный воспоминаниями, Глечик не сразу услышал далёкий гул танков. Он схватил единственную гранату и стал ждать, а в его душе, охваченной жаждой жизни, всё бился журавлиный крик...»

ТОТ КРАЙ, ОТКУДА РОДОМ

Виктор Семёнович Кудлачёв - известный белорусский поэт, автор 20 книг, почётный член Союза писателей Беларуси - попросил меня сопровождать его в поездке на родину. Он был приглашён на презентацию его книги в городской посёлок Дрибин в Могилёвской области.

В праздничном зале красивого современного здания Дома культуры он вдохновенно прочитал свои стихи из книги об истории его малой родины, о судьбах героев-земляков, о речке Проне, где в 1943 году после долгих и упорных боёв наша армия освободила Дрибин. Каждая строчка проникнута трепетной любовью к родной земле. И название его книги - «Признание в любви». Земляки долго не отпускали поэта. На их благодарные аплодисменты он читал: «Я в Дрибине нынче – не верится мне. Как будто всё это я вижу во сне. Знакомые улочки – радость моя! От счастья до слёз растрогаюсь я. Мой маленький город! Мой Дрибин родной! Люблю тебя искренне всю душой».

После праздника Виктор Семёнович обмолвился, что хотел бы побывать в деревне Сластёны, где он родился и где прошло его детство. Председатель райисполкома тут же дал машину, и мы поехали. Скоро Виктор Семёнович попросил остановиться, чтобы самому знакомой тропинкой пройти к отцовскому дому.

Тёплый летний ветерок ласкал его седые волосы, доносил запах спелой ржи, где-то высоко трепетала песня жаворонка. Деревенская улица молчала. В Сластёнах осталось несколько жителей, деревня умирала. И в памяти поэта вспыхнули строки:

Приумолкли воробы,
Тишина сплошная...
Ах, Сластёны вы мои –
Боль моя живая.

Виктор Семёнович ускорил шаг и точно определил калитку родного дома. Преодолевав заросли репейника и крапивы, отодвинул щербатые доски калитки и, подминая густой сорняк, дошёл до двери. Маленькая серая дверь жалобно скрипнула. Из сеней пахнуло плесенью. В комнате провалившиеся полы обнажили чёрную землю, потрескавшаяся широкая печь угрожающе накренилась. Дом, когда-то заполненный ребячьими голосами, запахом хлеба, жизнью, - умирал вместе с деревней.

Виктор Семёнович вышел к тёплому солнцу, прислонился к старой яблоне. На минуту ему показалось, что сейчас выйдет мать, вытрет руки о передник и ласково скажет: «Ну, что, Витёк, налить молочка парного?»

Он передохнул и резко, совершенно самостоятельно, вышел на дорогу и направился к кладбищу. Там положил цветы на могилу родных. Потом облокотился устало на оградку и замер. Хотелось заплакать, но слёз не было...

В который раз, возвращаясь памятью в далёкое детство, опалённое войной, он не мог ответить на вопрос: «Как родители вынесли нечеловеческие тяготы войны и сохранили жизнь детям?» Их было семеро. Витя - самый младший. Двое старших братьев сразу ушли на фронт. Остальные пережили фашистскую оккупацию. Когда немцы из родного дома их выгнали, жили в сарае, потом скитались по другим деревням. Но самым страшным был голод. Подмороженная картошка зимой, щавель весной, мясо ворон... Он до сих пор каждую крошку хлеба ощущает как символ жизни. Что же помогло им тогда выжить? Может, то, что отец всегда был мастеровым крестьянином: делал валенки, бочки, посуду. Знал и любил землю. Но самое главное: они держались друг друга, без слёз, без жалоб.

Он вспомнил, как возвращались из беженцев домой. Наши солдаты, освободившие деревню, где они жили, строго предупреждали: «Идите, но с дороги - ни вправо, ни влево! Везде мины!»

Они шли, а вокруг – груды искорёженного железа, взорванная земля, тела погибших солдат. Но это была дорога домой, дорога к концу войны.

Дом ждал их, глядя выбитыми глазами-окнами, горестный и сиротливый. Поднимали деревню всем миром. И школа открылась в деревне Бородёнки. Три километра туда и три обратно. Через поле.

В мае 1945 года в этом поле и прогремел взрыв мины, как эхо прошедшей войны. Осколки её ранили девятилетнему Вите глаза. И он навсегда потерял зрение... Позже в книге для детей «Война глазами ребёнка» он напишет об этом потрясающие до слёз скупые короткие строчки.

«Падая на землю, я закричал:

- Меня убило?
- Нет, нет! Тебя только ранило! – сказал кто-то надо мной.
- А почему так темно? Ничего не видно?

От сильной боли ответа я не услышал.

Я тогда ещё не знал, что солнце погасло для меня навсегда».

Учёбу он продолжил в Гродненской школе-интернате для слепых детей, затем закончил музыкально-педагогическое училище, 52 года работал учителем музыки в родном интернате... И писал стихи. Преимущественно для детей. Иногда мне кажется, что этими солнечными, добрыми, с лёгким юмором стихами он лечит в своём сердце опалённое войной детство. Каждая его встреча с читателями – это урок мужества и милосердия. Часто он заканчивает свои выступления строчками, ставшими хрестоматийными:

Война поступила жестоко со мной:
Глаза опалила взрывною волной.
С тех пор я не вижу ни солнца, ни туч,
Но в сердце горит вдохновения луч...

Я смотрела на человека, ушедшего в горькие воспоминания детства. Тихо шелестели берёзы между могилками ухоженного деревенского кладбища. И где-то там, под небесами, жаворонок пел песню солнца. Жизнь продолжалась...

Наша машина выехала на шоссе. Минут через десять впереди открылась панорама нового, по-современному отстроенного Дрибина. За зданиями райисполкома, Дворца культуры, гостиницы, больницы видна была заново отстроенная церковь в золотых куполах. Он оглянулся: детство осталось позади. А в сердце вспыхнули строки нового стихотворения:

Бегут стремительно года
Под вечным небосводом.
Я не забуду никогда
Тот край, откуда родом.

БЫЛА ВОЙНА

Анастасия Семёновна Герасина прошла Великую Отечественную телеграфистской в роте связи. На любой вопрос о войне её серые глаза заволакивает пелена слёз. Рассказывает о себе очень скупно, уверенная, что ничего героического не делала. Всё обыденно и прозаично. Даже чаще не знала, что в том тексте, который передаёт. Как правило, это были шифровки. Целый день: точка – точка – тире... Бежит бесконечная узкая ленточка-змейка. Потом она скатывала её аккуратно в рулончик. Приходил командир, забирал. И всё. Немели от усталости спина, ноги. В минуту передышки голову на руки положит, умудрится даже вздремнуть, чтобы, как от взрыва, очнуться от позывных, и снова бесконечное ти-ти-та-та-та...

Военную присягу девчата их роты приняли сразу после курсов телеграфисток. Выдали им солдатское обмундирование, обмотки вместо сапог, котелок, лопатку, и – прямоком на войну, ту самую, о которой так тяжело вспоминать. А когда Анастасия Семёновна всё-таки разговорилась, мне вдруг приоткрылся удивительный механизм человеческих реакций: чем ближе и страшнее ощущение смерти, тем сильнее хочется жить и быть счастливой хоть в самой малости.

В горькие месяцы отступления они долго шли по выжженной донской степи. В небольших казачьих хуторах люди смотрели на них глазами, полными отчаянья. И Настя с подругами боялась этих глаз, не решалась даже воды попросить. Они находили в балках-овражках застоявшиеся озёрца, процеживали через шинель и пили. Но была потом и другая дорога – дорога к Победе. Когда освобождали Ставрополье, остановилась их рота в станице. И на всю жизнь запомнилась эта земля! После летнего дождя она дышала таким животворящим теплом! Девчонки, отстучавшие свои ти-ти-та-та-та, забывали обо всём, вдыхали запах медовой шелковицы, уплетали приготовленные пригожей хозяйкой вареники с маком. На всю жизнь остались в памяти Анастасии Семёновны этот кусочек чистого неба и щедрого солнца, прорвавшиеся сквозь ад войны.

Моя собеседница вспоминает, и лицо то искажается мукой, и тогда она замолкает, и это молчание кажется мне громче любого крика. Но вот её серые глаза опять светлеют, и кажется, что она снова на каком-то лёгком гребне волны, прибежавшей издалека...

- Если бы вы знали, как хотелось жить! – продолжает она. – Когда выдавались дни затишья, да ещё лётная часть неподалёку располагалась, да ещё клуб находился с гармонистом!.. Ну, мы шинельки одеялами обернём, этакую смешную «куклу» на кровати устроим (Чтоб старшина не разобрался, что нас нет, а то – наряд вне очереди!) – и на танцы.

Но самые счастливые дни были – банные. С помощью «движка» в специальной палатке нагревали котёл воды. Какое наслаждение – провести по телу мылом, обдать горячей водой, чтоб дышало.

Однажды после такой бани Настины подружки на холмике устроились. Так тихо было. И жаворонок над головой. Марийка - певунья первая в их роте – встала. Волосы русой волной по плечам рассыпались, руки она к жаворонку протянула. Вся как песня. И вдруг выстрел! Ведь предупреждали их, что снайпер немецкий пошаливает. Ещё утром почтальонку, к ним спешащую на велосипеде, нашли с простреленной головой. А тут прямо на глазах падает Марийка с поднятыми руками, как в молитве, падает замертво рядом с оцепеневшими от ужаса подружками. И в одно мгновение вернулись они в трагедию военного бытия.

Человек есть мера всех вещей. Этот старый лозунг античных мудрецов в годы войны приобретает свой особый смысл, внутри которого живёт дикое противоречие: оставаясь мерилom самой Жизни, человек становится жертвой чьих-то нечеловеческих страстей.

Я смотрю на Анастасию Семёновну Герасину. Она перебирает старые письма военных подруг, приходивших к ней долгие годы после войны. Сеточка морщинок у её глаз собралась в лёгкий пучок; под кожей рук – тонкие вены, подбираясь к дрожащим пальцам, сплелись в беспорядочный рисунок. Она бережно разворачивает пожелтевший листок – ещё одну страницу войны. И я говорю: «Анастасия Семёновна, можно я про Вас стихи почитаю?»

– Про меня?!

И я читаю ей стихи нашего белорусского поэта Виктора Кудлачёва, словно списанные с этой картины.

Я письма старые читаю –
Писала их с войны домой.
Друзей погибших вспоминаю
И путь суровый фронтовой.
Седую голову склоняю
Над выцветшим давно листом,
Слова по буквам разбираю,
Читаю прошлое с трудом.
В солдатской памяти хранится
Войны далёкой горький след...
Как прежде май победный снится,
Хоть пробежало столько лет.

- И правда, - смахнула лёгкую слезу моя собеседница, - как будто про меня...

ГИТАРЫ НЕЖНЫЕ АККОРДЫ

Антонина Тимофеевна Егорова берёт в руки старенькую гитару. «Моя ветераночка», - ласково говорит она, тихо перебирая струны. Голос у неё совсем молодой, сильный. И лицо молодеет от светлой улыбки.

Родилась она в Калининской области. Девятнадцатилетняя Тоня успела до войны закончить курсы медсестёр. Война застала её в материнском доме на узловой станции Идрица. Частые бомбёжки вынуждали жителей спасаться в лесах. Тоня с родными поселилась у тёти Марьяны, их деревеньку немцы обошли.

Тяжёлая неизвестность сжимала сердце. Страх и отчаянье прочно поселились в деревенских хатах. И только иногда Тоня брала гитару и тихо пела свои любимые романсы в маленьком доме под старыми липами:

Запад угас, и лучи догорели
За дальней угрюмой горой.
И где-то печально дубы прошумели,
И шепчется ветер с листвою.

Тётя Марьяна вздыхала и говорила: «В артистки тебе надо! Такой голос! Да только какие теперь театры...»

Мягкий покров женственности опускался на лицо Тони. Голос её, высокий, сильный. «руслановский», как говорили её подружки, сложился из каких-то неведомых народных глубин. Согреваясь теплом гитары, она старалась успокоить тревожные мысли.

Сельчане поделили между собой созревшие поля ржи, и Тоня с Марьяной и мамой вышли на уборку своей делянки. Тоня привычно работала, прислушиваясь к тишине поля. В какой-то миг, связывая очередной сноп, она повернулась и увидела рослого, крепкого мужчину с бородой.

- Здорово, бабоньки! – широко, по-доброму улыбнулся он.

- И тебе не хворать, - насторожено откликнулась Марьяна.

Улыбчивый мужчина тут же сосредоточил ласково прищуренные глаза на Тоне. Она сердито одёрнула юбку, но успела заметить его пылкий взгляд и крепкие загорелые руки. И что-то в ней по-девичьи защемило-заныло около сердца, словно тронула гитарную струну.

- Тоня! – сердито сказала мама. – Мы не знаем его! Он не из наших.

- Я из наших, - спокойно сказал незнакомец, и стало видно, что он совсем молодой. - Попить не дадите?

Тоня молча протянула ему жбан с молоком.

Так она встретилась с человеком, определившим её дальнейшую судьбу. Это был Фёдор Степанович Задерин – командир партизанского отряда, позднее влившегося в Седьмую Калининскую бригаду, которая дислоцировалась в Псковской области.

Тоня стала медсестрой при отряде.

Жизнь в землянках, кровавые бинты, стоны – сплошные нечеловеческие страдания. И только в редкие вечера затишья Тоня по просьбе друзей пела. Потому что основа человеческой жизни не в страданиях, а в надежде... Она тихо выводила красивую стройную мелодию:

Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит...

В сполохах костра высвечивалось лицо Фёдора. И она понимала, что поёт прежде всего для него. И он это понимал. Искорками горького счастья взметался их костёр любви.

В начале 1944 года партизанскую зону обложили фашисты со всех сторон. Все попытки вырваться были безуспешными. А тут ещё и тиф начал косить людей. Тоне и её подруге приказали вывести нескольких раненых к партизанскому аэродрому. Лошадёнка, старая и худящая, еле волокла сани. По дороге умер один боец, началась горячка у второго. В какую-то минуту, придя в себя, он вдруг попросил: «Тонечка, спой что-нибудь. Тихонечко!» И она, положив его голову себе на колени, запела песню, похожую на рассказ сказительницы:

Среди долины ровныя...

Довезли они раненых к самолёту вовремя, спасли. А сами в горячке свалились: тиф!

...Тоня очнулась от косого солнечного луча, скользнувшего по её светло-русой головке. Луч задержался у виска и согрел её. Пахло мхом и ещё чем-то очень знакомым. На столе светился в солнце кочан квашеной капусты, источающей особенный, давно забытый домашний аромат. Тоня затрепетала, как воробей, отогревшийся в тёплых ладонях. К ней окончательно пришло сознание того, что она жива. И в душе её тихо зазвучали нежные аккорды гитары.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ВОЕННЫХ ДОРОГ

В тот День Конституции 5 декабря 1940 года было по-зимнему тепло в добром городе Сухуми, куда забросила судьба Иринку и Петра и когда они впервые встретились.

Ирина Ермолаевна Гончарова родилась в большой дружной семье в станице Спокойной Краснодарского края, что рядом со станицами Отрадной и Надёжной. Но 1921 год в семье Гончаровых, когда родилась Иринка, не был спокойным. Первая мировая, а затем гражданская войны перемололи не одну судьбу. Когда умер от военных ран отец, осталась овдовевшая казачка с пятью детьми. Они быстро попали в категорию бедных. А в 1932 голод погнал их из родных мест в поисках хлеба. Их приютили в Сухуми. Детей жалели. Выросла Иринка, закончила школу сероглазая красавица-казачка.

Пётр Корнеевич Маковецкий родился в 1915 году в Витебской области. По настоянию умирающей от голода матери пятнадцатилетний белорусский паренёк переехал в Крым к дяде на заработки. В конце службы в армии его послали в Сухумское военное училище.

В тот праздничный день пятого декабря 1940 года на вечере в училище Пётр и приметил Иринку. Правда, гордая казачка не сразу откликнулась: чубчик его русский не приглянулся как-то. Но потом разглядела: и отличник, и спортсмен, и друзья хорошие.

12 июня 1941 года они поженились. И была у них настоящая «комсомольская» свадьба. Пришёл деловой товарищ из горкома комсомола, строго пожелал счастья. Открыли бутылку вина.

Через неделю молодые лейтенанты (некоторые, как Пётр, - с жёнами) отправились в Харьков на место службы по назначению.

22 июня перед Харьковом утром застыл на несколько часов воспалённым красным глазом светофор. Майор, который сопровождал эшелон, построил вчерашних курсантов и сказал: «Война!» В наступившей тишине добавил: «Ну, ребята, приехали по назначению».

Сознание отказывалось принимать эту реальность. И поцеловались Пётр с Иринкой торопливо, стесняясь. И слова какие-то студенческие вырвались: «Ни пуха, ни пера!» И только осталось на её кончиках пальцев ощущение его мягких волос, которые она всё гладила до последней минуточки расставанья.

Наутро отвели девчат в школу, где разворачивался военно-полевой госпиталь. «Но мы никогда не были медсёстрами и всё, что знаем – из школьных уроков!» А в ответ: «Научитесь!»

В следующие дни раненые стали прибывать очень быстро. Их было бесконечно много. Хирург, измождённый непрерывной работой, приказал Ирине: «Будешь подавать инструменты. – И добавил в ответ на её испуганный взгляд. - Попробуй только шлёпнуться в обморок!»

В редкие часы отдыха, как сон, вспоминала она всё, что было месяц назад, всего только месяц! И сквозь слёзы шептала: «Петя, где ты?»

А он был в этой же дивизии и шестого июля в бою получил осколочное ранение в ноги. Ночью пришёл в сознание на Харьковском вокзале. В кромешной тьме, в нескольких шагах от жены, он тоже шептал её имя. Потом, после войны, вспоминал:

- Да, было страшно, неопытно, отчаянно... Но знать, что ты где-то в этом аду и не знать, что с женой, было ещё страшней и отчаянней.

Харьков всеми силами старались отстоять. Но силы были ещё не те...

В сентябре госпиталь Ирины успел погрузить в последний эшелон раненых. По две сестрички на вагон. Ни лекарств, ни бинтов, ни хлеба. Иногда по дороге местные на коротких остановках что-то приносили. Когда они добрались, наконец, в назначенный пункт, врач воскликнул: «Да кому ж тут первую помощь оказывать: Раненым или сестричкам?» Диагноз – дистрофия. Едва поправилась, снова – в госпиталь к раненым.

От Петра не было никаких известий. Она всматривалась в каждого раненого, искала мужа. И скоро она попросилась на фронт. А вдруг дороги их перекрестятся?

Осенью 1943-го - зимой 44-го Ставка Верховного Главнокомандования наметила нанести основной удар на юго-западном направлении, чтобы освободить правобережную Украину и Крым. Пётр Гончаров был в числе тех, кто шёл по этому пути к Праге. И уже ордена и медали украшали его грудь. Был тяжело ранен. Еле выжил. И снова – в бой.

Во время одной из бомбёжек на подступах к Польше, Ирину, когда она тащила раненого с поля боя, взрывной волной бросило на камни. Тяжёлая травма бедра надолго приковала к постели. Затем её комиссовали, и она подалась в Грозный, где жила сестра.

Ночью в маленьком, вросшем в землю домике на окраине города, раздался стук в дверь.

- Кто? – испуганно спросила Ирина и услышала срывающийся голос:

- Ириночка, это я, Пётр.

Она никак не могла справиться с щеколдой, потом, наконец, прижалась к мужу крепко-крепко, словно боялась, что это неправда, сняла пилотку, дотронулась до его мягких волос, чтобы увериться, что это не сон.

- Я это, я... - целовал он её глаза, лоб, губы, судорожно, радостно, прерываясь на признания. - Мне после ранения отпуск дали на 12 дней! Я вспомнил, что в Грозном твоя сестра. Дай, думаю, доберусь, может, что о тебе узнаю...

Двенадцать дней пролетели, как мгновенье.

А потом жила его письмами, заполненными нежностью, скупыми строками о боях. Боялся тревожить.

Дождались они Дня Победы. Приехал Пётр из Праги, забрал свою «Ярославну» и повёз в Беларусь, в Гродно, для прохождения дальнейшей службы от командира миномётного взвода до заместителя начальника штаба крупного армейского объединения.

В 1991 году сыграли они золотую свадьбу в кругу детей, внуков, друзей.

СВЕТ В ОКНЕ

Жаркий полдень 22 июня 1941 года застал Анечку Алёхину в родной деревне Федяево, что на Рязанщине. Из репродуктора, похожего на маленький колокол, на всю деревню прогремела чёрная весть: «Война!»

Через две недели Аня с тремя подругами поехала в Москву в школу связисток. Запомнился ей длинный затяжной крик провожающих вслед уходящему поезду. Так из века в век голосили перед разлукой славянские женщины.

После двухмесячных курсов 103-я армейская рота в составе 50-ой армии была отправлена на фронт. В роте были только девушки. Аня Алёхина в их числе. Она прошла свою фронтовую дорогу от Москвы через Смоленск, Минск, Гродно, Польшу до Кёнигсберга.

Работа связисток по роду своей главной обязанности – восстанавливать разрушенную связь – чаще всего оказывалась на передовой. Приходилось с тяжёлой катушкой проводов на спине, ползком, извиваясь ужом, в землю вжимаясь, - вперёд! Только чтобы на разных концах провода прозвучали позывные: «Волга!» «Волга!». Я «Чайка!» Приём!» А земля чаще была холодная. Многие девчонки из их роты пережили разные заболевания, но кто тогда об этом думал? И когда командир взвода как-то шутливо спросил Аню: «Ну что, птаха, после войны делать будешь?», - она ответила: «На печке отогреться».

Зимой 1943 года под Смоленском землянка её находилась недалеко от штаба. Аня иногда по утрам украдкой подсматривала, как водитель начальника штаба Миша Горовой после зарядки мускулистыми руками обтирался снегом. В этих движениях жила какая-то своя упорядоченность, обоснованность жизни. Аня невольно улыбалась, тут же спохватывалась, смущённо оглядываясь. А потом смотрелась в сохранившийся осколок зеркала и была довольна своими бровями вразлёт, которые не надо было подкрашивать угольками из печки, как это делали её подружки. Смотрела и тут же вздыхала: только росточком маловата. Между тем Горовой нет-нет да и заглянет к ним в землянку то спичек попросить, то соли, обдавая при этом Анечку тёплой волной ласкового взгляда. Девчонки ехидничали: «И чего это он такой нехозяйственный?»

И только когда их роту в новеньких белых полушубках и шапках-ушанках построили для нового марш-броска за продвинувшимся на запад фронтом и они стояли в ожидании последней команды, Михаил стоял-стоял в сторонке, а потом вдруг рванулся отчаянно и поцеловал Аню.

Потом встречи-расставанья редкими короткими вспышками радости озаряли их фронтовую жизнь. Одна из таких встреч – в Гродно 8горячим июльским днём 1944 года. После освобождения города их роту связи расквартировали в только что освобождённом районе. Дурманил запах сосен и янтарно светящийся на солнце зрелый крыжовник, который они с Мишей собирали в саду с разрешения хозяйки дома. Тогда они и решили, что если будет возможность, то вернутся они в этот город над Неманом после войны.

Весной 1945-ог под Кёнигсбергом Аня заболела. Жёсткий мучительный кашель сотрясал её худенькое тело. Воспаление лёгких. Когда она попала в госпиталь и рядом с таким же заболеванием девушка умерла, она, было, совсем отчаялась. Но тут Миша - свет в окне! – появился с сияющими от любви глазами и кусочками сбережённого для неё сахара. Он доставал её молоко и давал пить с маленькими кусочками масла. И она, худющая, с синевой под глазами, выжила, потому что рядом звучал его голос: «Анечка, живи! Милая моя, единственная, живи!»

ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

До войны через Трилесино проходила дорога, ведущая в Дрибинский районный центр, связывая сельсовет и деревню. Земли здесь были хорошие и родили хорошо. Когда началась коллективизация, хутора по брёвнышку разобрали и свезли в одно место – в Трилесино, где и строились заново. Некоторые хутора по разным причинам остались нетронутыми и стояли как молчаливые памятники человеческим судьбам.

Один из таких домов, неплохо сохранившийся, принадлежал когда-то Акуле. Так прозвали в деревне богача, немало попившего крови из своих батраков. После его раскулачивания в 1936-ом окна дома заколотили досками, и дом молча всё выдержал и затаился. Но перед самой войной в Трилесино вернулся повзрослевший сын Акулы – Демьян, как две капли воды, похожий на отца. Он построил новую хату, обзавёлся семьёй. Но его не любили. Был он не деревенски немногословен, прятал глаза под густыми чёрными бровями, но работать умел. Когда в июне 41-го пришла война в образе «нового немецкого порядка», Демьян одним из первых пошёл в полицаи.

Его боялись больше, чем фашистов: лютовал страшно.

Как-то в одной из стычек с партизанским отрядом получил он пулевую отметину – простреленную челюсть. Немцы его вылечили и даже чем-то наградили. А полицай стал ещё злее.

Шёл сентябрь 1943 года. Как-то на пустовавшем «акуловском» хуторе сошлись несколько парнишек из окрестных деревень. Ребятам по 14 -15 лет, но выросли в те годы мальчишки быстро: чтобы семье помочь, работали по хозяйству: заменили отцов, ушедших на фронт.

Разгулявшийся ветер нагнал тяжёлые тучи. Они нависли над домом, закрыв луну и звёзды. В темноте хлопцы тихо делились своими бедами и недетскими заботами. Особенно переживали в связи с угонами односельчан в Германию. «Эх, к партизанам бы добраться», - мелькали мысли.

Затянувшееся молчание внезапно прервал один из тех, кто был постарше – Максим. Неожиданно для всех он тихо запел любимую песню, так часто звучавшую до войны за деревенской околицей:

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой.
За далёкою Нарвской заставой
Парень идёт молодой...

Ребята встрепенулись. Первые строчки песни приобретали сегодня особый смысл. Были близки, понятны, созвучны с их думами.

Песня взлетела, сливаясь с ветром, к вершинам сосен. На высоких регистрах её звуки были возвышенны и печальны, словно далёкая путь-дорога звала за собой, а крылья сломаны, трепещут и не взлететь... Каждое слово проникало в душу, потому что пелось не столько голосом, сколько изболевшимся сердцем...

Ребята так ясно увидели перед собой своё вольное босоное детство, милую деревенскую школу среди тонких берёз, рослые мирные рассветы над родными домами. И, забыв обо всём, мальчишки подхватили припев...

Демьян возник в дверях, ослепив их лучом фонаря. Песня оборвалась на полуслове. Все оцепенели.

Что, - полицай грубо выругался, - в моей хате о советской власти страдаете?

Голос хриплый, страшный, обрушился на ребят, как лавина, и все поняли, что сейчас озверевший полицейский не пощадит никого...

И тогда Максим встал и отчаянно двинулся на этот ослепительный свет, на щёлкнувший затвор автомата и теперь уже громко, во всю силу, как давно ему хотелось, запел:

Далека ты, путь-дорога!..

Теперь опешил Демьян. А Максим рванулся вперёд, ребята все сразу закричали, страшно, отчаянно, вздох и двинулись за другом.

Что-то остановило Демьяна, и выстрел не прозвучал. Только бессильная злоба сдавила его нутро, и он, обнажив клыки зубов, зарывав, метнулся за деревья умирающего старого сада.

ПЕРЕПРАВЫ, ПЕРЕПРАВЫ

Прасковья Черняк пошла работать в 1937 году на Мозырскую теплоэлектростанцию в пятнадцать лет. В их семье пятеро детей. Она старшая - мамина надежда. На работе очень уставала. Но приезжала в родную деревню Барисковичи, радовалась, что и коровку купили, и у сестрёнок щёчки порозовели. Всё думала: «Ещё немного девчонки подрастут, и я учиться пойду». А по ночам, глядя на звёзды, приветливо собравшиеся в окне их хатки, мечтала о любви.

Когда в 41-ом началась война, Паша вернулась домой, в Барисковичи, там они семьей пережили все ужасы фашистской оккупации. Мозырь наши войска освободили в начале 44-ого. В феврале того же года начался фронтной путь Прасковьи Трофимовны в 139-ом инженерно-сапёрном батальоне от Днепра через Западный Буг, через Вислу...

Почему в её воспоминаниях прежде всего реки, большие и малые? Потому что задачей их батальона было обеспечить переправу для прохождения техники и живой силы. Помните, как у Твардовского? «Переправа! Переправа! Берег левый, берег правый...»

Между этими берегами на открытой водной глади инженерный батальон цеплял друг к другу понтоны. А ведь именно переправы были под особым прицелом врага. Сколько раз приходилось замирать от гула приближающихся самолётов, леденеть от свиста падающих бомб, грохота артиллерийского обстрела... Там, на берегу, хоть какое-то укрытие можно найти, а здесь всё как на ладони. Порой даже лица фашистских лётчиков рассмотришь. Страшные лица, искажённые зверской маской торжествующего зла. Враги расстреливали в упор бегущих к берегу, развлекались, соревнуясь в меткости попаданий.

Прасковья Трофимовна вспоминает, что до войны жутко боялась покойников. А тогда, когда смерть смотрела в глаза, все кидались к берегу, чтобы любую канаву найти, спрятаться, а то и под мёртвое тело бойца забиться – от осколков спастись. И только шептала слова молитвы: «Отче наш, да святится имя Твоё, и воля Твоя святая...»

Кроме наведения мостов, их батальон выполнял задачи сапёров. Или минировали – выкопают ямку, заложат сначала противопехотную мину, а сверху противотанковую. Они её называли «большая сковородка». Расчет понятен: начнёт немец снимать верхнюю мину, а нижняя сработает. Немцы использовали свои смертельные уловки. И потому каждый день – если не пуля шальная, то осколки от мины, то холод и грязь...

Прасковья Трофимовна Черняк говорит с трудом, горечь воспоминаний перехватывает её горло. Чтобы помочь ей, я читаю тихонько стихи моей любимой белорусской поэтессы Евдокии Лось:

С винтовками и лопатами
(Дела военной поры)
Они были просто девчатами,
Что там ни говори.
Пугались посвиста мины,
Нескромных взглядов чужих.
И гинули, как мужчины,
На горьких полях своих.

- Это точно, - говорит задумчиво Прасковья Трофимовна. – На войне всё делали: и стирали, и поваров заменяли, когда надо было...Помню, - неожиданно улыбнулась она, - в мае 45-го мы должны были на Эльбе на встречу с американскими солдатами идти. Я сижу, свежий воротничок к гимнастёрке пришиваю. А подружки прибежали, схватили меня, закружили, кричат: «Победа!» Так война для меня, слава Богу, закончилась.

Вернулась Прасковья Трофимовна в Мозырь, на родную ТЭЦ – давать людям свет и тепло. Пришла к молодому начальнику цеха Черняку Аркадию, бывшему партизану. Он как раз инструктаж с рабочими проводил. Все, конечно, внимательно посмотрели на новенькую. А он (это она потом узнала) внушительно сказал им: «Вот что, хлопцы, запишите себе на лбу: эта девушка моей женой будет». Так оно и вышло. Прожили вместе долгую жизнь. Четверых детей вырастили.

Бережно хранит Прасковья Трофимовна Черняк награды за освобождение Варшавы, взятие Берлина, орден Отечественной войны и пожелтевшие листки сталинских Благодарностей «За достойно выполненный долг перед Родиной».

НАСЛЕДНИКИ ОТЦОВСКОЙ СЛАВЫ

Мой внук закончил Минскую Военную академию. Во время редких приездов домой он по-мужски сдержанно рассказывал о своих трудностях. Но каждый раз особенно тёплая уважительная интонация звучала в его голосе, когда он вспоминал о старшем преподавателе кафедры разведки, сил специальных операций и иностранных армий факультета военной разведки полковнике Ерещенко.

Однажды мне представилась возможность встретиться с Андреем Вениаминовичем. Он потомственный военный. Отец – танкист – ветеран Великой Отечественной. Полковник Андрей Ерещенко - сдержан в движениях, в каждом жесте чувствуется военная выправка. В больших карих глазах, волевым подбородке – твёрдость и решительность характера. И только в уголках губ застыло что-то близкое к скорби – память о пережитом.

Мы разговорились, и я узнала о боевой судьбе воина-интернационалиста, среди наград которого орден Красного Знамени и три ордена Красной Звезды.

Лейтенант Ерещенко прибыл в Афганистан, точнее, в Тузель, в ноябре 1982 года из Московского округа – на замену. Служить довелось в мотострелковых и разведывательных войсках. Приходилось участвовать в боях под Кабулом, в районе Саланга, Суруби... В общей сложности таких рейдов было около тридцати.

С первых дней столкнулся с массой трудностей: языковой барьер, жаркий климат... Но самое трудное – видеть глаза местного населения. В этих глазах было разное. Навсегда запомнился старик, который бежал за БМП, бил по металлу палкой. Почему?! «Война, - говорил он солдатам, - это всегда продолжение внешней политики. Придёт время, всё расставит на свои места и строго ответит на вопрос: «Нужна была эта война Советскому Союзу или нет?»

- Что скрывать? Чувство страха на любой войне живёт в каждом, - признаётся Андрей Вениаминович. – Особенно перед началом обстрела. Ощущать себя на мушке – состояние малоприятное. С началом боя это чувство притуплялось: нужно было управлять людьми. А через некоторое время после боя все события начинали прокручиваться в голове. Вот тогда становилось по-настоящему страшно, до тошноты. В сознании всплывала картина смерти человека, с которым ты только вчера говорил. Только вчера боец радостно читал письмо из дома и кричал: «Ребята! У меня сын родился!», а сегодня утром ему в сердце попала пуля.

Можно сказать, что в командире Ерещенко умение принимать тактические решения в критические минуты – на генетическом уровне. В памяти его часто всплывает один из многочисленных рассказов отца о войне с фашистской Германией.

В их танковой бригаде половина машин были американские «Шерманы» на бензине. Как-то перед боем экипажи залили под завязку топливные баки, даже внутри оставили дополнительные. А отец почти всё топливо слил. Оставил только на необходимые 30-40 километров. Послушал старого механика, прошедшего финскую войну. Тот сразу предупредил, что больше они не проедут. Так и случилось. Даже касательные попадания в корпуса и башни танков вызывали пожар. Из пяти выпускников остался в живых только один – его отец, тогда семнадцатилетний младший лейтенант.

Вспоминая этот военный эпизод из фронтовой судьбы его отца, Андрей закладывал в сознание главную тактику войны: победить и максимально сохранить жизнь бойцов.

- Война в Афганистане, – продолжает полковник Ерещенко, – это цепь уроков ведения современной войны, в которой были как стратегические, так и идеологические ошибки. С точки зрения идеологии моему отцу было легче: он знал, что они, советские люди, освобождают родную землю от фашизма, что потомки будут помнить их подвиг. - Андрей Вениаминович судорожно передохнул, глаза потемнели до черноты. – Наши солдаты, которые уезжали в Союз,

присылали в Афганистан письма: в них всегда чувствовалась тоска по подразделению, по боевому братству. Но включали по вечерам там, дома, программу «Время», смотрели новости из Афганистана. А в них бодрые марши, посадка деревьев, строительство школ. Словно и нет никаких боёв, сгоревших танковых колонн, сбитых самолётов и вертолётов, госпиталей, раненых... А следовало говорить всю правду. Всю! Эту правду, кстати, я и о сегодняшнем Афганистане не слышу. Ведь ясно, что фактически там идёт искусственный подогрев внутриусобной войны, выгодный определённым силам за океаном, выгодный наркобизнесу.

За два с половиной года в Афганистане Ерещенко прошёл путь от лейтенанта, командира роты, до капитана, начальника штаба разведки. Не скрывает, что вовремя находили его награды. Но было и другое. В марте 1983 в одной из операций под Кабулом из-за ошибок комбата рота старшего лейтенанта Ерещенко оказалась отрезанной от основных сил, но сумела пробиться сквозь кольцо противника с минимальными потерями, отвлекая на себя не менее семидесяти душманов. Комбат обвинил ротного в уклонении от боя, пригрозил арестом. Спас приезд начальника штаба, который знал истинное положение дел.

Как-то один из чиновников в форме советника во время проверки потребовал у Ерещенко штатную книгу роты, журнал боевой и политической подготовки, расписание занятий. Но и тут нашёлся старший по званию, быстро осадивший проверяющего: «Марш отсюда! Здесь война! И ведутся только журналы боевых действий и потеря живой силы».

- Война – это очень много боли, - вспоминает Андрей Вениаминович. – Под Чарикаром надо было выбить из крепости душманов, вернувшихся за какими-то важными документами. Наша задача – опередить их и захватить документы. В крепость нам удалось прорваться и закрепиться в ней, но душманы не отступали. Завязался рукопашный бой. Я почувствовал удар в бедро. Разрыв гранаты... Опять удар. По ногам. Рухнул на землю. «Духов» удалось отбросить. Но связь прервалась. Надо было продержаться до утра. От потери крови я потерял сознание. Пришёл в себя от страшной боли. В бедре – сквозная дырка величиной с кулак. Внизу, около стопы, тоже дырка, из которой в разные стороны торчат осколки костей. Ночью нога стала покрываться тёмными пятнами. Гангрена. Ногу мне спасли товарищи: по живому бритвой вырезали начавшее гнить мясо... Утром подоспели наши, сестрички оказали первую медицинскую помощь, погрузили в вертолёты и отправили в госпиталь. - Полковник Терещенко замолчал, потом усмехнулся и сказал. – Наши приключения на этом не закончились. До границы оставалось совсем немного. Монотонный шум двигателя убаюкивал. Сквозь дрему и боль мыслями возвращался к жене и недавно родившемуся сынишке. И тут звук дроби по борту мгновенно вернул в реальность войны. Сидящий напротив солдат медленно сполз на пол. Вместо лица – кровавая маска. Машина резко «клюёт» вниз. В любую минуту она может превратиться в факел. Наш пилот, судя по манёврам, выбирает площадку для приземления. Бортовой стрелок поливает «духов» огнём из пулемёта. Удар со скрежетом. Ещё удар! Визг работающих на износ движков, треск ломающихся лопастей. Всё, приземлились. Как только определили, где противник, я наметил место атаки, быстро переместили туда спасённое оружие. Меня оттащили от вертолёта за камни. Не высываясь, открываем огонь из пистолетов. Это «развеселило» «духов». Слышим, как они переговариваются. А для нас важно, чтобы они поверили, что серьёзного оружия у нас для сопротивления нет. Чтобы поверили и полезли напролом. Мы приготовили гранаты. Ждём. Взрывы гранат нашего противника отрезвляют. И теперь инициатива в наших руках. Роли поменялись: дичь превратилась в охотников. «Духи» отползают. Наши бойцы быстро собирают оружие убитых. Теперь есть чем отбиваться.

«Вертушки» прилетели на помощь через сорок минут... Вскоре в госпитале нас осматривал врач. Диагноз меня не интересовал. Хотелось одного – спать. - Андрей Вениаминович снова

замолчал. Потом с лица его сошла тень воспоминаний. – И живу! Живу счастливо. В принципе, всё, о чём мечтал, исполнилось. Вырастил сына. Дерево посадил. Верю только в хорошее, а оно у каждого своё. У меня это семья: жена, сын. По мере сил передаю опыт молодёжи. А всё же хорошо, что сегодня белорусы служат на территории своего государства. Солдат должен прежде всего защищать ту землю, на которой родился.

ОБАЯНИЕ СКОРБИ

Почему так неоднозначно принимается нами Нобелевская премия Светланы Алексиевич? Безусловно: все мы радуемся и гордимся, что наша белорусская писательница впервые в истории стала в один ряд с Анатолем Франсом и Джоном Голсуорси, Борисом Пастернаком и Александром Солженицыным...

Более тридцати лет назад в своей книге «У войны не женское лицо» она связала с нашим поколением одну из идей философии Достоевского: «Умейте сострадать человеческому горю, и вы останетесь человеком!» Светлана Алексиевич, как пишет в своём отклике на знаменательное событие в истории Беларуси Михаил Васюкович в газете «СБ-Беларусь сегодня» (№50 18 декабря 2015 года), «интуитивно почувствовала необходимость показать широким массам народные страдания и горе как они есть, ... и несёт эту миссию через всю жизнь».

«Я прошла обожжёнными километрами чужой боли и страданий, - признаётся сама писательница. – Я собирала человеческие состояния».

С этого начиналась трудная писательская дорога будущего лауреата Нобелевской премии. Книги нашей белорусской писательницы изданы тысячными тиражами. Эти книги: «У войны неженское лицо», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва», хроника «Голоса утопии», драматические произведения и сценарии фильмов принесли автору многочисленные награды, среди которых медаль Е.Полоцкой, премия «Триумф» (Россия), высокие награды ряда европейских стран. А теперь – всемирное признание.

А.Адамович в предисловии к книге «У войны не женское лицо» в 1983 году пишет: «Появилось новое имя в литературе, всерьёз и, уверен, надолго... Новый жанр? В чём? Репортаж непосредственно из дня вчерашнего? Сила памяти, температура дневников таковы, что у читателя пропадает дистанция времени: будто с тобой это происходит, у тебя на глазах...»

Но тогда, в восьмидесятые, наше поколение не было приучено к глубоким страданиям. Мы жили всеобщей надеждой на всеобщее счастье. И часто ветераны Великой Отечественной войны и тогда, и сегодня говорят: «Я всё помню, всё! Но не хочу говорить об этом. Не могу».

Книгу «У войны не женское лицо» в те годы я не смогла дочитать до конца. Сегодня я пытаюсь понять: «Почему во мне родился первоначально этот не осознанный до конца протест? Может, моё подсознание не выдержало такой температуры боли, страданий, отчаянья, безысходности?» Потом, позже, я, конечно, прочитала всю книгу, принесла на урок своим ученикам... Помню, как всматривалась в глаза детей, в которых жило сопереживание, сочувствие. Но это были дети восьмидесятых годов – внуки тех, кто прошёл войну. И эти ребята, как все дети мирного времени, красивые, весёлые, шаловливые, росли и жили прежде всего ожиданием чуда. Они родились для радости, для жизни. Как совместить этот свет жизни и боль войны? Только памятью и способностью сострадать...

И снова я смотрю на творчество Светланы Алексиевич из сегодняшнего дня. Может, я не права? Может, я задержалась в плену идеологии восьмидесятых?

В литературоведении иногда ведут подсчёт определённых понятий в произведении. Например, сколько раз встречается слово «оранжевый», а сколько – «чёрный»? Если такое исследование провести по книгам Светланы Александровны, то светлых оттенков – жёсткий минимум. Я понимаю, что выбранные писательницей темы – Великая Отечественная война, Чернобыль, война в Афганистане - это не светлые краски. Но боль, страдания, слёзы, отчаянье так сильно сконцентрированы на каждой странице, словно они были и есть единственным содержанием нашей жизни. И мне думается, что писательница в какой-то степени стала заложницей негативных, страшных воспоминаний героев своих книг. Произошло то, что

психологи называют «обаянием скорби». Она фактически сама в этом признаётся в своей речи в Стокгольме на церемонии вручения Нобелевской премии, когда выражает протест против того, что её называют писательницей катастроф, и пытается убедить нас, что она «ищет слова любви, но их тут же поглощают слова страданий». А почему? Потому что «я жила в стране, - говорит она всему миру, - где нас учили умирать. Учили смерти».

Такая сторона её гражданской позиции настораживает. Например, как понимать её личные воспоминания о том, как она, вернувшись из Афганистана, восклицает при встрече с отцом: «Папа, мы убийцы!»

Там, в Стокгольме, Светлана Алексиевич закончила свою речь на родном белорусском языке словами: «Спасибо, что поняли нашу боль».

И всё-таки было бы лучше, если бы мир понял и наше терпение, и наше достоинство, и наше умение радоваться жизни, победам, работать и не жить с протянутой рукой...

РАЗДУМЬЯ ПО ПОВОДУ

Недавно, перебирая вырезки из старых газет, перечитала публикации «АиФ» 2011 года (№8) в связи с 55-летием XX съезда КПСС о знаменитом докладе Н.С.Хрущёва, развенчавшего культ личности Сталина. В одной из них – мнение по этому поводу сына Хрущёва - Сергея который убеждает нас, что «отец действовал не по закону логики, а по велению сердца с наилучшими христианскими пожеланиями добра народу». В другой статье отклик на это событие внука Сталина Евгения Джугашвили, который видит в разоблачении Сталина точку отсчёта всех последующих бед в истории Советского Союза.

Прошли годы, но и сегодня чёткого ответа на вопрос, где же правда, мы не находим.

Я помню день смерти Сталина. Траурные флаги, искренние слёзы, растерянные лица. Я помню скорбь и ощущение трагедии. Мы верили в своего вождя и любили его. И это, в ряду других причин, помогло нашей большой родине под названием Советский Союз выстоять в Великую Отечественную, пережить послевоенную разруху.

Выплывшая в 1956-м году информация о Сталине в докладе Хрущёва у большинства ничего, кроме боли, недоумения, не вызвала. Безусловно, те, кто пострадал от репрессий, увидели, наконец, свет в горьком туннеле своей жизни. А сколько было тех, кто спрашивал мысленно, ещё побаиваясь произносить это вслух: «А чего же ты, Никита Сергеевич, и твои товарищи молчали об этом раньше?»

Правда была какая-то однобокая и слишком отдавала личной ненавистью Хрущёва к Сталину. Достаточно прочесть «Воспоминания» самого Никиты Сергеевича, чтобы в этом убедиться. Только одна цитата из его книги: «Сталин действовал методом оглушения: сказал и смотрит в твои глаза – дрогнул ты или нет». Думается, что ещё долгие годы историкам предстоит изучать причинно-следственные связи произошедшего на том «историческом» съезде. Но свидетелями и жертвами многих негативных последствий стало не одно поколение бывшего СССР.

Можно сказать, что доклад Хрущёва открыл шлюз мутной воды поругания всего, что было достигнуто трудовым и боевым подвигами миллионов, что было гордым осознанием своей значимости в судьбе Родины. Эти потоки начали вымывать из сознания одни ценности, заполняя пустоту другими идеалами.

В 80-е годы поэт Борис Слуцкий с болью в сердце написал:

Вожди из детства моего!
О каждом песню мы учили,
Пока их не разоблачили,
Велев не помнить ничего.

Следом за уничтожением Сталина, смакуя и радуясь, «расстреляли» Николая Островского и Александра Матросова, Марата Казея и Володю Дубинина, и многих других, кем мы гордились как символом высочайшей нравственности.

К сожалению, многие и сегодня не хотят знать, что ИСКАЖЁННОЕ ПРОШЛОЕ ВСЕГДА СТРЕМИТСЯ ИСКАЗИТЬ НАСТОЯЩЕЕ.

ЧТОБЫ НЕ СТАТЬ МАНКУРТАМИ

Всего 70 лет прошло после окончания Второй мировой войны, а наша планета вновь сжимается от страха перед новыми глобальными катаклизмами. Дыхание «горячих» регионов, государств обжигает нас каждый день, каждый час.

Что с нами происходит? Современные СМИ, интернет, наука, литература, политология – всё усиленно работает на перекраивание фактов истории, пропаганду зла, насилия в угоду олигархов, в угоду нацистских фанатов, в угоду тех, кто призывает убивать несогласных с их идеологией. Учёные говорят, что мы столкнулись пока только с первичными проявлениями феномена, суть которого в том, что, развивая искусственно виртуальный мир, мы со временем утратим даже национальную идентичность и будем принадлежать (все!) к некоему виртуальному социуму.

В древние времена завоеватели «производили рабов, надевая на голову пленников повязку из сырой кожи. Высыхая под палящим солнцем и она постепенно сжималась, и после такой страшной пытки человек превращался в манкурта. Он начисто забывал, откуда родом, что с ним было в прошлом, какое имя он носил... В условиях цивилизации двадцать первого века нас пытаются превратить в манкуртов более изощрёнными способами. Но итог одинаковый: заложниками этого процесса становится прежде всего простой народ.

В 1989 году в работе «Новое политическое мышление» академик Д.Сахаров писал, что каждое время требует новых систем управления государствами, людьми, нового понятия демократии. Это означает, что конфликты, идеологические и политические противостояния надо решать новыми, более гибкими договорными методами во имя жизни человека, во имя мира.

Думаю, что выражу боль многих о том, что к этому мышлению мы идём очень трудно, повторяя ошибки прошлого, а именно: часто трибунным пафосом, демагогией, игрой в плюрализм, с одной стороны, и целенаправленно, бесчеловечно искажая правду истории, с другой, мы то забалтываем, то отрицаем суть проблем.

Мне вспоминается в связи с этим, как на одной из последних партийных конференций в Москве на доклад М.Горбачёва «Как углубить и сделать необратимой революционной перестройку», нашлось всего два голоса, кто попытался критически осмыслить происходящий процесс. Это были известный артист Михаил Ульянов и писатель Юрий Бондарев. М. Ульянов в своём выступлении точно определил ситуацию словами: «У нас революционная фраза о революционной войне погубила революцию» А Ю.Бондарев пронизательно определил суть реформ горбачёвской эпохи, сравнив перестройку с самолётом, который поднялся в воздух, не зная, есть ли в этом пункте назначения посадочная площадка. Прошло время, и этот «самолёт» развалился вместе с СССР.

В связи с тридцатилетием прихода к власти Горбачёва многие СМИ откликнулись на эту дату в марте 2015 года. Мне попала на глаза статья в российской «Правде» доктора философских наук Р. Косолапова под символическим названием «Российский термидор» и ещё более символической карикатурой под статьёй. На этой карикатуре Михаил Сергеевич, в простой рубашке, с потрескавшимися голыми пятками «блудного сына» покорно стоит на коленях перед «дядюшкой Сэмом». Сегодня становится очевидным, что эта карикатура отражает и участь многих стран современности. Та же ирония истории, которую пытаются забыть некоторые политики и привести к беспамятству свой народ.

И всё-таки закон диалектики гласит, что мир, цивилизации развиваются по спирали вверх, через тернии – к звёздам. Очень хороший закон. На нём мир стоял и будет стоять.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	
Не стирайте автографы Победы.....	
Пока не поздно!.....	
Журавлиный крик.....	
Тот край, откуда родом.....	
Была война.....	
Гитары нежные аккорды.....	
На перекрётках военных дорог.....	
Свет в окне.....	
Прерванная песня.....	
Переправы, переправы.....	
Наследники отцовской славы.....	
Обаяние скорби.....	
Раздумья по поводу.....	
Чтобы не стать манкуртами	

